

щие общеидеологическое значение, были составлены уже в XVI в.¹⁹ В отличие от Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского, М. О. Скрипиль склонен был с полным доверием принимать известия, содержащиеся в приписке Нестора-Искандера, но и он не соглашался с теми исследователями, которые причисляли «Повесть о Царьграде» к кругу произведений, предвосхищавших теорию «Москвы — третьего Рима».²⁰

Х. Шедер не использовала новую литературу и в центральном вопросе своего исследования — в вопросе о сочинениях самого Филофея. Как и ее предшественники, Х. Шедер считает идеи Филофея чрезвычайно близкими к идеям Хронографа 1512 г.; она признает даже, что Хронограф оказал прямо влияние на Филофея (77, 81); Х. Шедер отвергает только предположение об идентичности Филофея и автора Хронографа, высказанное А. А. Шахматовым и поддержанное другими исследователями.²¹ Но возражения Х. Шедер против А. А. Шахматова хотя и очень язвительны по форме, довольно слабы по существу: А. А. Шахматов доказывал сходность хронологических расчетов у Филофея и в Хронографе; Х. Шедер пытается опровергнуть это сходство (78—81). Действительно, расчеты Шахматова гипотетичны (ему пришлось в одном месте исправить текст Филофея),²² но, противопоставляя ему свои собственные расчеты, исследовательница обнаруживает весьма слабое знакомство с древнерусской хронологической системой²³ и — что самое главное — идет по пути, следуя которому нельзя ни доказать, ни опровергнуть авторство Филофея по отношению к Хронографу. Доказывая идентичность Филофея и автора Хронографа, Шахматов опирался в первую очередь не на хронологические расчеты, а на содержание. Если бы Х. Шедер обратилась к работе советской исследовательницы

¹⁹ Г. П. Бельченко. Состав исторической повести о взятии Царьграда. — Сборник к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 512, 513; М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 143, 144.

²⁰ М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 177—184.

²¹ А. А. Шахматов. 1) Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 208—215; 2) К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 109—111 (оттиск из СОРЯС, т. LXVI, № 8); ср.: П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, в. 1. СПб., 1903, стр. 42—44.

²² В указании Филофея, что «латыне» были в «единстве» с православными 770 лет, А. А. Шахматов исправил 770 на 790, сообразуясь с датой Хронографа (А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина..., стр. 201—209, прим. 1).

²³ Х. Шедер напрасно думает, что Шахматов заставляет Филофея исчислять «в полном противоречии с обычаями его времени» (80), когда считает дату 1525 от рождения Христа у Филофея за 7025 г. от сотворения мира (1517 г. по западному и современному нашему летосчислению). А. А. Шахматов здесь исчисляет единственно правильным образом. Действительная разность между двумя эрами составляет 5508 лет, и современный исследователь, переводя дату от сотворения мира на наше летосчисление, должен вычесть из нее 5508 лет. Но совсем не так поступали древнерусские публицисты, когда им случалось говорить о дате рождения Христа или отсчитывать что-либо от этой даты: они исходили не из научно хронологических, а из богословских соображений, и полагали, что Христос родился в 5500 г. (ср., например, такой расчет в сочинениях «обличительной ереси»: А. Д. Седелников. К изучению «Слова кратка». — ИОРЯС, т. XXV, 1925, стр. 212; «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1904, стр. 372—377). Поэтому в тех редких случаях, когда древнерусский автор считает от рождества Христа, дата эта не может отождествляться с датами нашей эры, а должна быть переведена на дату от сотворения мира путем прибавления 5500 лет. Предлагая взамен расчетов Шахматова свои расчеты для датировки послания Филофея Мунехину, Х. Шедер тоже прибегает к исправлению текста и получает в конце концов сугубо сомнительную дату — 1543 г., более позднюю, чем дата смерти Мунехина.